

12+

Алексей Сергеевич Неустроев
*Алёна и Хваён: розовая лента
для правого берега*

Алексей Неустроев

Алёна и Хваён: розовая лента для правого берега

<https://litres.ru/74156788>

ISBN 9785007030939

Аннотация

«Вот что поведала кумихо Хваён...»

Учительница Алёна в розовом свитере приезжает в глухую деревню и знакомится с девятихвостой лисой, кикиморой и домовым. Вместе они снимают проклятие леса, пьют чай с баранками и учатся магии.

Текст содержит лисьи ошибки — Хваён запретила исправлять.
12+. Все персонажи вымышлены.

Содержание

Анотация	5
Глава 1. Где Алёна Александровна приезжает не туда, куда собиралась, но именно туда, куда надо	7
Глава 2. Сентябрь, который начался с мела, тетрадей и рыжего кота	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алёна и Хваён: розовая лента для правого берега

**Алексей Сергеевич
Неустроев**

© Алексей Сергеевич Неустроев, 2026

ISBN 978-5-0070-3093-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
«Алёна и Хваен: розовая лента для правого берега»

Анотация

«Вот что поведала мне кумихо Хваён, а вы уж сами решайте, верить или не верить. Кто знает, о чём на самом деле думают такие мистические сущности и как они понимают слова и смыслы нашего языка?»

Кот Василий (он же домовой, но это уже другая история) ответственно заявляет:

— Текст содержит логические, лексические, грамматические и пунктуационные ошибки. Мы хотели их исправить, но Хваён запретила — сказала, они сделаны с каким-то лисьим умыслом. Поэтому пусть будет как есть. Сказка — ложь, да в ней намёк: добрым людям и лисам урок.

Эта книга — художественное произведение. Все имена, персонажи, места действия и события либо вымышлены, либо использованы в вымышленном контексте. Любое сходство с реальными людьми, живыми или умершими, организациями или историческими событиями случайно.

О чём же эта история?

Молодая учительница Алёна Котова — миниатюрная, в розовом свитере и с очками без диоптрий — приезжает в глухую деревню Глухомань-Перепятово. Здесь левый берег реки залит солнцем, а правый... правый тонет в полумраке, и там, говорят, водятся волки и живёт девятихвостая лиса.

Алёна не верит в сказки — пока сама не теряется в чаще.

Вместе с Хваён (той самой лисой), кикиморой Катей (которая печёт лучшие пирожки и вяжет носки) и домовым Василием (рыжий кот с характером) учительнице предстоит:

— освоить первый урок магии,

— снять древнее проклятие, которое двести лет разрушает лес,

— не провалить школьные контрольные и защитить пятёрку любимчиков.

Добрая, смешная и чуть-чуть таинственная сказка для тех, кто верит, что даже чудовище может стать добрым, если рядом окажется человек в розовом свитере.

Глава 1. Где Алёна Александровна приезжает не туда, куда собиралась, но именно туда, куда надо

1.1 Дорога, которая ведёт не в город

Август стоял в тот год на удивление ласковый: не припекал, как в иные лета, а грел ровно и щедро, будто сама природа решила побаловать деревню Глухомань-Перепятово перед долгой зимой. Солнце поднималось над скалистыми горами, и первые его лучи золотили макушки сосен, а туман над рекой таял медленно, нехотя, словно никак не мог расстаться с ночной прохладой.

Свернула Алёна Александровна Котова с гладкой федеральной трассы на просёлочную дорогу — и будто в другую жизнь въехала. Асфальт кончился, началась колея, густо присыпанная прошлогодней хвоей, и первое время она тряслась так, что очки сползли на самый кончик носа.

— Ну и глухомань, — сказала она вслух, поправляя очки.
— Царевна-лягушка здесь, наверное, живёт.

Но чем дальше забиралась её старенькая «Лада» (которая, надо сказать, видала виды и, кажется, помнила ещё ту эпо-

ху), тем страннее становилось вокруг. Глухой лес, сосновый да еловый, стоял по сторонам стеной. Местами он расступался, открывая небольшие полянки сплошь в иван-чае и колокольчиках, и тогда Алёна невольно притормаживала — до того хорошо было на них глянуть.

Издали, за лесом, поднимались крутые скалистые горы. Не Кавказ, конечно, но для здешних краёв — настоящие исполины, поросшие тёмной, почти чёрной тайгой. Горы эти глядели сурово, и Алёне почудилось на минуту, будто они на неё смотрят, оценивают: «Что за девица? Куда путь держит? Не заплутала ли?»

— Я не заплутала, — строго сказала Алёна горам. — У меня навигатор.

Навигатор в этот самый момент вежливо сообщил: «Вы находитесь в районе с плохим покрытием» — и замолчал навсегда, словно обиделся на неё за что-то.

1.2 Река, которая делит мир пополам

Между лесом и деревней, куда она ехала, протекала река. Алёна заметила её не сразу — только когда дорога пошла вдоль берега.

Левый берег, пологий и песчаный, был как картинка из туристического буклета: пляжики, обкатанные водой, зелёные лужайки, берёзки, склонившиеся над водой. «Купаться, поди, хорошо», — подумала учительница, но тут же одёрнула себя: не за этим приехала. У неё были контракт, тетради и твёрдое намерение прослужить в деревне два года, накопить

опыта и вернуться в город.

Ах, обмануть себя как просто я умею! — подумала она.

Правый берег — ну, совсем иной. Крутой, местами обрывистый, в больших камнях, поросших мхом, и густом кустарнике, из-за которого чернели подозрительные ямы. Кое-где даже показалось Алёне, что тянет тиной и сыростью — верный признак, что берег болотистый. Тропинок там не было, и птицы почему-то ближе к той стороне не пели, а только кричали вороны да трещали сороки, и те будто ссорились меж собой — то ли место не поделили, то ли предупреждали кого-то.

— Ничего себе, — сказала Алёна и ещё крепче сжала руль.

И тут случилось странное. Солнышко, которое до той минуты грело приветливо, затянуло облачком. Да не простым, а таким плотным, сизым, похожим на ком дыма. И вдруг правый берег — тот самый, крутой и кустарниковый — словно бы провалился в тень. Большая, густая, почти осязаемая чернота напозла на него, как чья-то тяжёлая лапа. Камни потемнели, кусты сжались, и даже воздух там, казалось, стал холоднее.

А левый берег — напротив, вспыхнул. Солнце, которое ещё не успело спрятаться, ударило по песку и пляжам так ярко, что песок заблестел, как золото. Полянки засветились изумрудом, берёзки засияли белыми стволами. Стало светло, уютно, почти по-домашнему. Алёне вдруг безумно захо-

телось остановиться, расстелить плед и выпить чаю из термоса, хотя термоса у неё с собой не было и плед она тоже не взяла — только сумку с книгами да коробку с кружками.

— Чудно, — прошептала она. — Прямо как в сказке: одна сторона светлая, другая — тёмная. Есть ли тут кто, кто за то отвечает? Или так, само собой?

И тут же тряхнула головой, рассердившись на себя за глупые мысли. Она, Алёна Александровна Котова, учительница с двумя высшими, и вдруг — «как в сказке»? Ерунда, конечно. Просто игра света.

Но когда она бросила последний взгляд на правый берег, ей почудилось, будто в самой глубине кустов кто-то стоит. Белое пятно среди чёрной зелени. С девятью... нет, померещилось.

Алёна протёрла очки.

Пятно исчезло.

— Нервы, — сказала Алёна и нажала на газ. — И вообще, кто это там стоять мог? Зайцы, поди, бегают. Белые зайцы. В августе. Ну, мало ли...

Дорога нырнула вниз, к мосту, а за мостом уже виднелись первые избы деревни Глухомань-Перепятово. И надо же — ни облачка, ни теней, только запах дыма из печных труб и лай собак. Обычная сельская жизнь.

Но Алёна Александровна Котова ещё не знала, что та тень, которую она видела на правом берегу, видела и её. И что очень скоро они встретятся лицом к лицу — а точнее,

лицом к девяти хвостам, которые носили имя Хваён и не любили, когда их называют «зайцами».

— Зайцы, — тихий смех прозвучал в лесу, когда «Лада» скрылась за мостом. — Пятьсот лет живу — впервые слышу, чтобы кумихо зайцем обзывали. Ах, Алёна Александровна, как же вы меня насмешили.

Так, сама того не ведая, учительница русского языка и литературы заслужила первой улыбки девятихвостой лисы. И это была улыбка не добрая и не злая — а такая, какой человек улыбается новой книге, которую ещё не открывал, но уже чувствует: там будет интересно.

1.3. Где Алёна Александровна принимает учеников за учителей, а себя — за ученицу

Школа в Глухомань-Перепятово оказалась именно такой, какую Алёна представляла себе в самых смелых педагогических фантазиях: деревянное двухэтажное здание с высокой крышей, резными наличниками и крыльцом, которое скрипело так выразительно, что могло бы с успехом заменить школьный звонок. Внутри пахло деревом, мелом и — почему-то — пирожками с капустой. Директор, сухонький старичок по имени Пётр Петрович, встретил её приветливо, показал кабинет, выдал журналы и, пожелав удачи, удалился пить чай с бубликами, ибо было ему уже за семьдесят, и дела свои он давно перепоручил завучу.

Алёна осталась одна.

— Ну что ж, — сказала она пустому классу. — Будем зна-

комиться.

Она проверила класс на соответствие всем возможным ГОСТам и СанПиНам — парты на месте, доска зелёная, мел белый, тряпка мокрая. Потом заполнила кипу документов, которые, казалось, размножались сами собой, стоит только отвернуться. Потом перечитала список класса — и вздохнула. Двадцать три фамилии. Из них пять — с пометкой «особое внимание».

— Ничего, — сказала она себе. — Пушкин тоже не сразу научился писать стихи.

И, поскольку делать больше было нечего, Алёна Александровна сняла строгую блузу, надела любимый розовый свитер (тот самый, мягкий, с оленями, который мама прислала с полярной станции в прошлом году), джинсы и розовые кроссовки — и уселась на заднюю парту, чтобы скоротать время за чтением.

Читала она, разумеется, Пушкина. И не какого-нибудь, а «Барышню-крестьянку» — для вдохновения, так сказать, чтобы лучше проникнуться деревенским колоритом. Книга была старенькая, потрёпанная, с закладкой из сушёного кленового листа, и Алёна углубилась в неё так, что не слышала ничего вокруг.

— Эй, — раздалось вдруг совсем рядом.

Алёна подняла голову. Перед ней стояли пятеро детей и смотрели на неё с выражением крайнего любопытства. Девочка в синей кофте (как потом выяснилось, Оля) наклонила

голову набок и спросила:

— Вы новенькая?

— То есть? — не поняла Алёна.

— Новенькая, — повторил мальчик с рыжими вихрами (Артём). — У нас в школе. Вы в каком классе учитесь? Выглядите вы как старшеклассница, но ростом...

Артём запнулся, поняв, что сказал что-то не то. Алёна машинально поправила очки.

— Я не ученица, — сказала она. — Я — ваша новая учительница русского языка и литературы.

Повисла пауза. Дети переглянулись.

— Да ладно, — выдохнула Маша. — Вы шутите?

— Нисколько, — Алёна встала (и оказалась едва выше парты, за которой сидела). — Алёна Александровна Котова. Очень приятно.

Она хотела протянуть руку для рукопожатия, но дети почему-то не решались. Юля, самая тихая из них, прошептала:

— А мы думали — у нас не только новая учительница, но и новая ученица. Или что у учительницы дочь есть, такая маленькая...

— У меня нет дочери, — сказала Алёна. — Есть кот. Но он пока не приехал.

— А сколько вам лет? — бесцеремонно спросил Артём.

— Двадцать пять.

— А почему вы такая маленькая?

— Артём! — шикнула Оля. — Неудобно же!

— А что такого? Я спросил...

— Двадцать пять, — мечтательно протянула Маша. — А я думала, вы нас ровесница. Прямо как мы, только взрослая.

— Ну, в некотором роде, — улыбнулась Алёна. — Я тоже люблю читать и не люблю, когда ставят двойки. Но ставить буду, не думайте.

Дети захихикали, и напряжение развеялось. Оказалось, что пятёрка (Артём, Оля, Маша, Юля и подошедший чуть позже Максим) услышала от директора, что приезжает новая учительница, и решила посмотреть на неё до уроков. Заодно — провести небольшую экскурсию по деревне, чтобы новенькая (простите, новая учительница) освоилась.

— Пойдёмте, Алёна Александровна, — Оля взяла её за руку. — Мы вам всё покажем!

И они показали. Всё.

1.4. Экскурсия, которая длилась три часа

— Это магазин, — сказал Артём, указывая на обшарпанное деревянное здание с вывеской «Продукты». — Там тётя Зина работает. Если скажете, что от Петровича, она нальёт кефир из-под прилавка, он свежее.

— А это ещё один магазин, — добавила Маша, махнув рукой в сторону синего домика. — Хозяйственный. Там гвозди, мышеловки и карамель «Взлётная» — самая вкусная.

— А это аптека, — сказала Юля тихо. — Но вам туда, наверное, не надо.

— Понятно, — кивнула Алёна и сделала мысленную по-

метку: запастись продуктами в городе.

Дальше были: пляж на левом берегу (песок, вода, и ни души — потому что август, и купаться уже холодно), кузница она же автомастерская (где дядя Вова чинил трактора и, как шепнул Максим, иногда подковывал лошадей), лесопилка (огромная, шумная, пахнувшая опилками и смолой), поля картошки (бескрайние, насколько хватало глаз, с аккуратными рядами зелёной ботвы), конюшня (две лошади — Рыжик и Зорька), коровник (двенадцать коров, и одна из них, как с гордостью сообщил Максим, бодается), стадо лошадей (пять штук, пасущихся на дальнем лугу) и стадо коров (которое как раз гнали с пастбища, и Алёне пришлось прижаться к забору, чтобы её не сбили с ног).

— Вот это жизнь! — выдохнула Алёна, когда коровы прошли. — Я таких больших никогда близко не видела.

— А вы откуда приехали? — спросила Оля.

— Из города, — уклончиво ответила Алёна. — Но вообще я выросла на севере. Там вместо коров белые медведи.

— Врёте! — сказал Артём, но без злости, а с восторгом.

— Честное слово, — Алёна подняла руку. — Медвежата со мной в снежки играли.

Дети переглянулись с новым уважением. Учительница, которая играла в снежки с белыми медведями — это вам не шутки. Это покруче, чем у прошлого учителя, который, говорят, боялся пауков.

— Ладно, — сказала Оля, когда экскурсия подошла к кон-

цу. — Мы вас до дома проводим. А завтра на уроки придём. Вы интересная.

— Спасибо, — улыбнулась Алёна. — Вы тоже.

И они разошлись. Алёна — в свою избу на краю деревни (ту самую, которую ей выделили как учительскую), а пятёрка — обсуждать, какой странной, маленькой и розовой оказалась их новая «русичка».

— А мне она понравилась, — сказала Маша. — У неё свитер с оленями.

— И она Пушкина читала, — добавила Юля. — На задней парте. Как мы.

— Она просто маленькая, — отозвался Максим. — Но добрая.

— Добрая? — хмыкнул Артём. — Она сказала, что будет двойки ставить.

— Это по делу, — отрезала Оля. — А ты уроки учить будешь.

Артём промолчал. Он вдруг подумал, что ради такой учительницы, может, и правда стоит выучить хотя бы одно стихотворение.

1.5 Поход за грибами, который чуть не стал походом за приключениями

Прошло три дня. Алёна успела провести первый урок (на котором выяснилось, что пятиклассники не знают, кто такой Крылов, но зато отлично знают, кто такая Баба-яга), заполнить ещё кипу документов и почти освоить печь — то есть

перестать дымить на всю избу.

Утро четвёртого дня выдалось солнечным и тихим. Алёна пила чай с баранками (которые купила в магазине у тёти Зины) и читала «Онегина» — вполголоса, для настроения.

В дверь постучали. Негромко, но настойчиво.

Алёна открыла. На пороге стояла пятёрка — Артём, Оля, Маша, Юля и Максим. Все в резиновых сапогах, с корзинами и с таким выражением лиц, которое бывает только у детей, задумавших что-то очень интересное.

— Алёна Александровна, — сказала Оля торжественно.

— Мы пришли вас в лес звать. По грибы.

— По грибы? — удивилась Алёна.

— Ну да, — подтвердил Артём. — Август же. Белых много. А вы, поди, в городе не собирали. Научим.

— И маслята есть, — добавила Маша. — И лисички. И подберёзовики.

— И мухоморы, — тихо вставила Юля. — Но их не надо.

— А вы умеете отличать? — спросил Максим, глядя на Алёну с лёгким сомнением. — Грибы, в смысле.

Алёна задумалась. Она действительно никогда не собирала грибы. В том городе, где она училась, грибы продавались в супермаркете в пластиковых контейнерах. Но признаваться в этом детям было как-то стыдно.

— Конечно, умею, — сказала она. — Я на севере выросла. Там тоже грибы есть. Правда, их медведи едят.

Это была чистая правда, если не считать того, что медведи

ели грибы сами, а Алёна только смотрела издалека.

— Ну, тогда собирайтесь, — скомандовала Оля. — У нас время до обеда, а потом коров гнать — ну, не у нас, а у родителей.

— У меня родителей нет, — сказала Алёна, надевая кроссовки. — У меня кот. Но он ещё не приехал.

— А как вы одна живёте? — спросила Юля.

— Нормально, — улыбнулась Алёна. — Я привыкла.

Она накинула свою розовую ветровку (потому что в лесу, даже в августе, бывает прохладно), взяла корзину — нашлась какая-то старая в сенах — и вышла.

Лес начинался сразу за деревней. Сосны, ели, берёзы — как в той сказке. Пахло хвоей, прелыми листьями и чем-то ещё неуловимым, древним, что, наверное, и называется «лесным духом».

— Не бойтесь, — сказал Артём, заметив, что Алёна оглядывается. — У нас волков нет. Ну, почти. Только те, на правом берегу, но туда никто не ходит.

— Почему? — спросила Алёна.

Дети переглянулись.

— Там страшно, — сказала Маша. — Темно всегда. И птицы не поют.

— И говорят, там ведьма живёт, — шепнул Максим. — Или леший. Или кто пострашнее.

— Чушь! — сказала Оля, но как-то не очень уверенно. — Просто бабки рассказывают.

Алёна вспомнила тот берег — крутой, тенистый, с кустами, из которых на неё будто кто-то смотрел. И про белую тень. И про девять хвостов, которые ей померещились.

— А налево мы не пойдём? — спросила она, показывая в ту сторону.

— Нет, — твёрдо сказал Артём. — Мы пойдём направо. Там грибы, и там хорошо.

И они пошли направо. Грибов действительно оказалось много — белые, подосиновики, маслята, даже несколько лисичек на поляне. Дети учили Алёну, как правильно срезать ножку, как не спутать боровик с сатанинским грибом (который, как выяснилось, не сатанинский, а просто несъедобный, но название впечатляющее), и как кричать, если потерялся.

— «Ау!» кричать, — наставлял Артём. — А если не слышно — то свистеть.

— А если и свист не помогает? — спросила Алёна.

— Тогда сидеть на месте и ждать, — ответил Максим. — Мы найдём.

И Алёна подумала, что в этой деревне, кажется, дети умнее, чем кажутся. И добрее.

Часа через два корзины наполнились. Все устали, проголодались и замерзли, потому что солнце спряталось за облака. Алёна достала из рюкзака (который она, как настоящий северный человек, всегда носила с собой) термос с чаем и пачку баранок.

— Садитесь, — сказала она. — Перекусим.

И они сели прямо на мох — учительница и пятеро детей, и пили чай из пластиковых стаканчиков, и ели баранки, и смеялись над тем, как Артём наступил в муравейник, и даже не заметил, потому что муравьи были маленькими, а он — большим.

А в это время, на той стороне леса, на правом берегу, где даже днём царил полумрак, белая фигура с девятью хвостами стояла на опушке и смотрела в их сторону.

— Чай пьют, — тихо сказала Хваён. — Баранки едят. Как люди.

Её голос звучал странно — в нём не было ни насмешки, ни злобы. Только любопытство. И ещё что-то, похожее на зависть.

— А я, — добавила она, ни к кому не обращаясь, — баранок давно не ела. Горячих. С чаем.

Хвосты её шевельнулись — девять белых теней в сумерках — и замерли.

— Может, и правда познакомиться? — спросила она у леса. Лес не ответил. Только ветер шелестнул листвой, и где-то далеко прокричала ворона.

Хваён вздохнула и растаяла в воздухе — как тень, которую прогнало солнце.

А Алёна, ничего не подозревая, собрала своих детей и повела их обратно в деревню — с полными корзинами, красными носами и счастливыми улыбками.

— Завтра тоже пойдём? — спросила Маша.

— Завтра — школа, — строго сказала Алёна. — А в субботу — давайте.

— Договорились! — закричали дети.

И они даже не знали, что в субботу в лесу их будет ждать не только грибы. Будет ждать кое-кто поинтереснее. С хвостами.

1.6 Поход за грибами №2, или Как Алёна Александровна заблудилась в трёх соснах

В следующую субботу Алёна Александровна проснулась с твёрдой уверенностью: день будет прекрасным. Солнце светило в окно, петухи орали за деревней так слаженно, будто репетировали свадебный марш Мендельсона, и даже печь, которая до сих пор капризничала, сегодня дымила почему-то в сторону трубы, а не в комнату.

— Хорошо-то как! — сказала Алёна коту (которого накануне ей принесла соседка — рыжего, толстого, с хитрой мордой; «Вася, — представила соседка, — сам прибился, берите, не пожалеете»). — Правда, Вася?

Вася мурлыкнул неопределённо — то ли соглашаясь, то ли предупреждая о чём-то. Но кто же обращает внимание на котов, тем более рыжих и в субботу утром?

Алёна натянула розовые кроссовки, розовую ветровку поверх розового свитера (наряд получился такой, что издалека её можно было принять за закат), сунула в карман телефон — и с унынием обнаружила, что интернет отсутствует как класс. Деревенская вышка, видимо, ушла в запой или просто

решила, что суббота — выходной и для неё тоже.

— Ну и ладно, — сказала Алёна. — Пойду за грибами. Сама. Одна. Как взрослый самостоятельный человек.

Она взяла корзинку (ту самую, из сеней, которая пахла погребом и тайнами), заперла дверь и решительно зашагала к лесу.

Первые два часа прогулки были сказкой. Настоящей, пушкинской, с высокими берёзками, которые стояли вдоль тропинки, словно девицы в белых сарафанах.

Как же хорошо в лесу! — думала она. — Тишина, птички, никаких тебе пробок, никакого метро, никаких студентов, которые сдают хвосты на сессии...

Она собирала грибы — подберёзовики, маслята, даже одного белого нашла — и чувствовала себя настоящей дочерью леса. Лесной эльфийкой. Хранительницей древних тайн.

Прошёл третий час.

— Хранительница, блин, — сказала Алёна вслух, потому что берёзки вокруг стали подозрительно одинаковыми. — Эльфийка, «мачеха её...»

Она уже час ходила по кругу, судя по всему. Та самая берёза с трещиной на стволе попадалась ей в четвёртый раз. Алёна остановилась, присела на пенёк и глубоко задумалась.

Почему я такая глупая городская девочка? — думала она. — Зачем я пошла без карты? Без компаса? Без GPS? Без Артёма, который, между прочим, обещал научить меня ориентироваться по муравейникам? Где обещанные муравейни-

ки? Где обещанная дорога домой? Где...

Она прислушалась.

Вода.

Где-то совсем рядом журчала, плескалась, переливалась — река!

— Ага! — обрадовалась Алёна и рванула на звук, ломая ветки и не обращая внимания на то, что кроссовки промокли.

Она вылетела на берег — и замерла.

Подождите-ка.

Этот берег был крутым. Обрывистым. Каменистым. Папоротники росли выше головы, кусты сплетались в такие чащобы, что можно было подумать, будто здесь не ступала нога человека лет сто. От воды тянуло тиной и сыростью, и даже в солнечный день здесь царил сумрачный полумрак.

— Но я же шла налево от левого берега, — прошептала Алёна, оглядываясь. — Как я оказалась на правом? Это... это мистика какая-то.

Она хотела было развернуться и уйти обратно, но тут откуда-то из глубины леса донеслось...

Рычание.

Низкое, хриплое, многообещающее.

Алёна медленно, как в замедленной съёмке, обернулась.

Из-за кустов на неё смотрели пять пар жёлтых глаз. Пять серых, лохматых, очень больших волков стояли в полукруге — впереди, справа, слева. Самый крупный, вожак, обнажил

кльки и сделал шаг вперёд.

— Вот и ходила Красная Шапочка за грибами, — прошептала Алёна, чувствуя, как ноги становятся ватными. — И волкам пирожки принесла. Только пирожков нет, одна корзинка с маслятами...

Она попятилась к реке. Волки — следом. Ещё шаг — и можно будет прыгать в воду, но Алёна не умела плавать. Со всем. Выросла на севере — там плавают только тюлени и белые медведи, а люди предпочитают стоять на земле.

Волки зло зарычали — и вдруг... метнулись в сторону. Все пятеро. Как по команде. Исчезли в чаще так быстро, будто их сдуло ветром.

Алёна стояла, не веря своим глазам. Сердце колотилось где-то в горле.

— Ты заблудилась?

Голос раздался прямо за плечом. Детский, звонкий, с лёгкой насмешкой.

Алёна обернулась.

На поваленном дереве сидела девочка. Маленькая, ростом где-то с пятиклассницу. Белое платье, белые длинные волосы, собранные в хвост, глаза... глаза золотистые, с вертикальными зрачками, как у... как у кошки.

— Я... — Алёна сглотнула. — Да. Заблудилась. А ты... ты кто?

Девочка спрыгнула с дерева — мягко, бесшумно, — подошла ближе и наклонила голову набок. Совсем как Артём

на первой встрече.

— Я живу здесь, — сказала она. — В лесу. Деревенские считают правый берег проклятым и не ходят сюда. А ты пришла.

— Я случайно, — быстро сказала Алёна. — Я шла за грибами и... а почему ты одна? Где твои родители?

Девочка улыбнулась. Улыбка была странная — слишком взрослая для ребёнка.

— У меня нет родителей, — сказала она. — Только лес. И ты такая... миленькая.

Она взяла Алёну за руку холодными, как лёд, пальцами.

— Я провожу тебя до дома. Пойдём.

— Спасибо, — обрадовалась Алёна, потому что выбраться из правого берега самостоятельно ей совсем не хотелось.

Девочка потянула её в чащу. Глубоко, в самую чащу, подалее от воды, подалее от солнца.

Они шли минут десять, может, пятнадцать. Мелькали тени, хрустели ветки под ногами, где-то ухала сова — хотя были полдень. Алёна с удивлением заметила, что не узнаёт ничего вокруг: лес стал совсем другим — древним, дремучим, с деревьями в два обхвата и грибами величиной с тарелку.

— Эээ... девочка, — осторожно сказала Алёна. — Я, кажется, в деревне живу. На улице Центральной, дом пятнадцать. Мы куда-то не туда идём?

— Нам туда, — ласково ответила девочка и не отпустила

руку.

— Но там же вообще нет никакой деревни! Только ели и...

— Нам туда, — повторила девочка, и в голосе её вдруг слышалось что-то... древнее. Что-то такое, от чего по спине пробежали мурашки.

Алёна попыталась выдернуть руку — не получилось.

— Девочка...

— Ах, ну ладно, как хочешь, — вздохнула девочка и резко свернула в кусты.

Она потащила Алёну сквозь колючие ветки — быстро, почти бегом. Алёна спотыкалась, цеплялась за корни, корзинка выпала из рук и покатила куда-то в темноту.

— Подожди! Мои грибы! — крикнула Алёна.

— Не волнуйся, — донёсся откуда-то спереди смех. — О них позаботятся.

Они вылетели на поляну.

Алёна не сразу поняла, где находится. Левая сторона деревни? Да, точно. Вон за теми соснами — школа, а дальше — её изба. Она узнала и пень, на котором вчера сидел Артём, и тропинку, по которой они ходили за грибами в прошлый раз.

— Пришли, — сказала девочка и отпустила руку.

Алёна сделала шаг — и поскользнулась. На ровном месте. На траве. Нога поехала, как на льду, и она шлёпнулась на спину, больно ударившись копчиком.

— Ой!

Она села, потёрла ушибленное место и подняла голову.
Никого.

Поляна была пуста. Только ветер играл с листьями берёз,
и где-то далеко лаяла собака.

— Девочка? — позвала Алёна. — Эй! Ты где?

Тишина.

Алёна встала, отряхнулась и поняла три вещи:

Первое: у неё нет корзинки.

Второе: у неё нет грибов.

Третье: у неё нет никакого желания возвращаться в лес и
искать ту странную белую девочку с кошачьими глазами.

— Пойду-ка я домой, — сказала Алёна. — Буду сидеть
в интернете. Ах да, интернета нет. Буду сидеть и скучать. И
жалеть, что я такая доверчивая дура.

Она побрела к дому, чувствуя, как ноют ноги, как болит
копчик и как где-то внутри шевелится смутное беспокой-
ство.

Кто эта девочка? — думала Алёна. — Почему у неё такие
странные глаза? Почему волки убежали? И куда делась моя
корзинка?

Вопросов было больше, чем грибов. А грибов, как мы
помним, не осталось ни одного.

**1.7 Где корзинка возвращается, а с ней — две го-
сты, каких Алёна не ждала**

Дома Алёна скинула кроссовки, переделась в розовый
костюм для йоги (потому что после такого дня хотелось толь-

ко лежать на диване и ничего не делать), налила чаю, насыпала Васе корма и включила... эх, нет интернета.

— Вася, — сказала она коту, — я, кажется, встретила лучшего. Или домового. Или кого-то пострашнее. У неё глаза были как у... как у тебя.

Вася, который дремал на печи, приоткрыл один глаз, зевнул и снова закрыл. Вести беседы с умалишёнными хозяйками, видимо, не входило в его кошачьи обязанности.

Алёна вздохнула и взяла книгу. На этот раз — «Руслан и Людмила». Тоже Пушкин, тоже сказка, и там тоже были странные существа. Но карлик Черномор как-то не вязался с белой девочкой-лесом-с-золотыми-глазами.

В дверь постучали.

— Открыто, — лениво сказала Алёна, думая, что это вернулась пятёрка — может, опять зовут куда-нибудь.

Дверь скрипнула.

На пороге стояла... та самая девочка. Та, из леса. Белое платье, белые волосы, золотые глаза, вертикальные зрачки. Рядом с ней — ещё одна фигура, повыше, в тёмном платье и фартуке с вышитыми незабудками, с длинной чёрной косой и бледным лицом, усыпанным веснушками. Эта вторая держала в руках корзинку — Алёнину корзинку! — доверху наполненную грибами. Отборными, крупными, чистыми, будто их только что вымыли под дождём и высушили на солнышке.

— Здравствуйте, — сказала девочка. — Мы вашу корзин-

ку принесли. Вы её в лесу обронули.

Алёна открыла рот. Закрыла. Открыла снова.

— Вы... ты... вы... как вы меня нашли?

— А мы не теряли, — улыбунулась девочка. — Позвольте войти? Чай бы выпили. И баранок, если есть.

Алёна посторонилась — сама не зная зачем.

Гости вошли. Девочка (которая, как уже можно догадаться, была не девочкой, а девятихвостой лисой по имени Хваён) сразу устроилась на табурете у печи, положив ногу на ногу. А вторая — та, с косо́й, — поставила корзинку на стол, оглядела избу хозяйским взглядом и покачала головой.

— Беспорядок у вас, — сказала она тихим, ворчливым голосом. — Посуда не мытая, на окошке пыль, печь плохо топится... Ох, горе-то какое.

— Извините, — растерянно сказала Алёна. — Я только неделю здесь...

— А ты не извиняйся, — отозвалась девочка. — Это Катя. Она кикимора. У неё профессиональное. Любит наводить порядок.

— Кики... кто? — переспросила Алёна, чувствуя, что реальность начинает трещать по швам.

— Кикимора, — повторила та, которую назвали Катей, и слегка поклонилась. — Болотная, правда, но уже давно здесь живу, на болото почти не тянет. Домашняя больше. Вязать умею, печь могу растопить, суп сварить. Вы, Алёна Александровна, без меня пропадёте — вон у вас печь дымит, чайник

накипью зарос, а про бельё я молчу.

— Откуда вы знаете моё имя? — спросила Алёна, садясь на диван (ноги подкашивались).

Девочка рассмеялась — звонко, красиво, совсем по-детски, но в глазах её плясали огоньки.

— А мы про тебя всё знаем, Алёна Александровна Котова. Двадцать пять лет, рост сто сорок пять, очки носите без диоптрий — чтобы солиднее выглядеть. Любите Пушкина, боитесь пауков, а на медвежат в детстве смотрели и не боялись. — Она сделала паузу и добавила тише: — И ещё: вы — хранительница. Только пока об этом не знаете.

— Хранительница чего? — прошептала Алёна.

Корзинка с грибами на столе вдруг качнулась — сама собой. Грибы засветились слабым голубоватым светом, а в воздухе запахло... старыми книгами. Пылью. Магией.

— Того, о чём лучше рассказывать по очереди, — сказала девочка, и тени в углах комнаты сгустились, будто соглашаясь с ней. — Меня зовут Хваён, Алёна. И мы с вами будем часто видаться. Очень часто.

Она улыбнулась — и на секунду Алёне почудилось, что за спиной у неё шевельнулось что-то. Белое. Пушистое. Длинное.

Но когда она моргнула, всё исчезло.

— Чай будете? — спросила Алёна, потому что больше сказать было нечего.

— Будем, — кивнула Хваён. — И баранки, если есть. Ка-

тя, поставь чайник, а то хозяйка наша, видно, не умеет.

Катя вздохнула, сняла фартук (у неё под ним оказался ещё один фартук, поменьше), прошлёпала к плите и принялась хозяйничать. Хваён сидела на табурете и смотрела на Алёну так пристально, что у той мурашки бегали по спине.

— Не бойтесь, — вдруг сказала Хваён. — Я не кусаюсь. Ну, почти.

Алёна не нашлась, что ответить.

Она только подумала: «Барышня-крестьянка», блин. Тут не барышня — тут целая царевна-лягушка с девятью хвостами. И кикимора в придачу. И грибы светятся. И печь дымит.

Глава 2. Сентябрь, который начался с мела, тетрадей и рыжего кота

2.1 Где Алёна Александровна знакомится с классом, а класс — с ней

Первое сентября в Глухомань-Перепятово выдалось на удивление тёплым. Солнце, будто извиняясь за будущие холода, светило так щедро, что даже старые берёзы у школы покрылись золотом раньше срока. Алёна Александровна пришла за час до линейки — поправить цветы на окнах, проверить, не завелись ли в шкафу мыши (не завелись, но нашлась прошлогодняя варежка), и вообще — настроиться.

Надела она сегодня строгую блузу (белую, с кружевным воротничком) поверх любимого розового свитера — так, чтобы свитер выглядывал из-под блузы, как тайный бунтарь. Коса уложена в корону вокруг головы. Очки на месте.

— Ничего, — сказала она своему отражению в оконном стекле. — Справлюсь.

Отражение кивнуло, но как-то сомнительно.

Линейка отгремела быстро. Директор Пётр Петрович сказал речь о знаниях, свете и будущем (и пару раз чихнул в микрофон, отчего дети вздрогнули). Первоклассники про-

читали стихи. Старшеклассники сделали вид, что им не скучно. А где-то на заднем ряду выпускников кто-то пустил мыльные пузыри.

Наконец — звонок. Самый настоящий, колокольный. И все потянулись в классы.

В кабинет русского языка и литературы (он же кабинет №3, он же «каморка, обклеенная портретами классиков», как сразу окрестили его дети) Алёна вошла следом за своим пятым классом. Двадцать три пары глаз уставились на неё с выражением, в котором смешались любопытство, недоверие и лёгкое разочарование — они-то надеялись, что новая учительница окажется не такой маленькой.

А я такая, какая есть, — подумала Алёна, встала за учительский стол и улыбнулась.

— Здравствуйте. Садитесь.

Дети сели. Не все — некоторые продолжали стоять, потому что не расслышали. Артём, например, зачем-то встал на стул и оттуда рассматривал доску.

— Артём, сядь, пожалуйста.

— А я и так сижу, — удивился Артём, стоя на стуле.

— Сядь на стул, а не на стул стоя.

Класс захихикал. Артём пожал плечами и сел как нормальный человек. Алёна вздохнула — про себя, конечно, — и взяла в руки журнал.

— Я — ваша новая учительница русского языка и литературы. Меня зовут Алёна Александровна Котова. И сейчас я

буду переключку. Вы будете вставать и говорить: «Я здесь». Договорились?

— Договорились! — хором ответил класс, кроме одного мальчика на задней парте, который буркнул: «А чё сразу я?»

Алёна сделала вид, что не расслышала, и начала.

— Артём?

— Я здесь! — Артём подпрыгнул, чуть не упал.

— Ольга?

— Здесь, — важно сказала Оля, сложив руки на парте как отличница (хотя Алёна уже заметила, что эта «отличница» через пять минут начнёт болтать с соседкой).

— Юлия?

— Я... здесь, — тихо, почти шёпотом, пискнула Юля, покраснев так, будто её вызвали к доске.

— Мария?

— Тучочки! — Маша махнула рукой, словно приветствовала давнюю подругу.

— Максим?

— Здесь, — спокойно сказал Максим, и на этом его публичная активность на сегодня закончилась.

Алёна отметила в уме: пятерка «любимчиков» (как она их уже про себя называла) на месте. Но в журнале были и другие.

— Ангелина?

— Здесь, — сухо ответила Лина (потому что Ангелиной её называли только в документах и когда ругали). Она сидела

с прямой спиной и смотрела на Алёну так, будто оценивала — достоин ли новый учитель её уважения.

— Настя? — Алёна подняла глаза.

— А? Что? Я здесь! — Настя оторвалась от рисования на полях тетради (она рисовала кота в сапогах) и виновато улыбнулась.

— Николай?

— Чего? — Коля ковырял крышку парты и даже не поднял головы. — Я здесь. Чего вы меня раньше всех не спросили?

— Я спросила тебя восьмым, — терпеливо ответила Алёна.

— А, ну ладно, — Коля откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди — так, чтобы все видели: он здесь, но он недоволен.

Алёна закрыла журнал. Восемь имён она назвала, остальных — пока только видела лицами. Ничего, познакомятся. Придёт время.

— Ребята, — сказала она. — У нас с вами целый год впереди. Я буду вас учить писать грамотно, читать выразительно и любить русскую литературу. А вы будете учить меня... ну, например, отличать белый гриб от подберёзовика.

— А вы не умеете? — удивился Артём.

— А вот это будет нашим общим секретом, — улыбнулась Алёна.

Класс засмеялся — на этот раз добро, без подколов. Даже Коля чуть приподнял уголки губ, хотя потом быстро спрятал

улыбку — незачем, чтобы видели.

2.2 Проверка домашнего задания, или Где Алёна Александровна увидела котиков

За первую неделю Алёна успела узнать класс получше. Не по журналу — по тетрадам. Потому что тетради, как известно, говорят больше, чем сами ученики.

В пятницу она задала небольшое домашнее сочинение — «Как я провёл лето». Не для оценки, а так, для знакомства. И когда вечером села проверять, поняла: это будет долго, но весело.

Тетрадь Лизы (которую Алёна пока знала только в лицо — девочка с большими глазами и вечно обгрызенной ручкой) вся была в промокашках. Сочинение начиналось бойко: «Я провела лето у бабушки в деревне», — а дальше шли кляксы, зачёркивания и одна жирная слеза, нарисованная фломастером. На полях — крошечный котёнок с подписью: «Пожалуйста, не ставьте два».

— Хитро, — усмехнулась Алёна и поставила твёрдую тройку. Котёнок убедил.

Тетрадь Алисы (эту девочку Алёна запомнила по яркому банту на первой линейке) была обёрнута в обложку с единорогами, а каждое предложение заканчивалось смайликом. В конце сочинения — рисунок: девочка в шляпке с перьями, подпись: «Это я на море». Интересно, — подумала Алёна, — а где в нашей деревне море? Но спрашивать не стала.

Потом была тетрадь Светы — самой высокой девочки в

классе. Она писала аккуратно, даже старательно, но в каждом слове была пометка. На полях — ни котят, ни цветочков, зато в шапке сочинения значилось: «Светлана, но лучше Света». Алёна вздохнула и поставила четвёрку с минусом. «Света, — написала она на полях, — грамотность подтянем. А рост здесь ни при чём».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.